

УДК 347.736

М. В. Столярчук

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
smv.krd@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6556-6609>

ГЕНЕЗИС ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ДОЛЖНИКА ПО СОКРЫТИЮ ИМУЩЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТРЕТЬИХ ЛИЦ

Аннотация. В статье представлено краткое исследование истории предпринимаемых должниками недобросовестных действий по использованию третьих лиц для целей формального дистанцирования от принадлежащих им активов в дореволюционный период. В первой части работы уделено внимание предписаниям уголовно-правовой направленности, в той или иной степени криминализирующим отношения номинальной собственности; в свою очередь, во второй указанное явление рассмотрено через призму недействительности сделок. Помимо правовых норм, проанализированы подходы судебной практики указанного периода и мнения представителей юридической науки. По результатам анализа отмечается, что при отсутствии единой дефиниции судебная практика и доктрина были едины в вопросе содержательного наполнения номинальных собственников. Автором сделан вывод о преемственности подходов дореволюционного периода с позициями современной судебной практики.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); подставное лицо; мнимый собственник; номинальный собственник; оспаривание сделок.

UDC 347.736

M. V. Stolyarchuk

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
smv.krd@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6556-6609>

THE GENESIS OF THE LEGAL QUALIFICATION OF THE DEBTOR'S ACTIONS TO CONCEAL PROPERTY USING THIRD PARTIES

Abstract. The article presents a brief study of the history of unfair actions undertaken by debtors to use third parties for the purpose of formal distancing from their assets in the pre-revolutionary period. In the first part of the work, attention is paid to the prescriptions of the criminal law orientation, which criminalize nominal property relations to one

degree or another, in turn, in the second, this phenomenon is considered through the prism of the invalidity of transactions. In addition to legal norms, the approaches of judicial practice of the specified period and the opinions of representatives of legal science are analyzed. According to the results of the analysis, it is noted that in the absence of a single definition, judicial practice and doctrine were united in the issue of the content of nominal owners. The author concludes that the approaches of the pre-revolutionary period are consistent with the positions of modern judicial practice.

Keywords: insolvency (bankruptcy); strawman; dummy; nominee owner; avoidance actions in bankruptcy.

Введение

Среди многочисленных злоупотреблений при банкротстве отдельного внимания заслуживают ситуации, при которых потенциальные должники (контролирующие должника лица) заблаговременно отчуждают свое имущество (регистрируют вновь приобретенное) в пользу дружественных третьих лиц, тем самым причиняя вред имущественным правам кредиторов. По данному вопросу пришлось отдельно высказаться суду высшей инстанции, который в 2021 году в рамках одного из дел сформулировал позицию о фигуре мнимого собственника, указав на необходимость выявления таких в делах о банкротстве граждан (Определение Верховного суда РФ от 15.11.2021 № 307-ЭС19-23103(2))¹.

В целях полного и всестороннего рассмотрения подобных практик в настоящей работе предлагаем обратиться к истории вопроса и ниже проанализируем правовые нормы, подходы доктрины и судебной практики в дореволюционный период.

Для соблюдения терминологического единообразия рассматриваемое явление в нашей работе будет условно именоваться отношениями номинальной собственности, а лица, содействующие должнику, — номинальными собственниками. Данное решение обусловлено тем, что при отсутствии легального определения в судебной практике арбитражных судов лица, принимающие на свое имя имущество должника, именуется арбитражными судами различными терминами (мнимый собственник, подставное лицо, номинальный собственник, номинальный покупатель). При имеющемся разнообразии дефиниций предпочтительной представляется именно категория номинального собственника, поскольку в таком случае явление не смешивается с мнимыми и не создается путаницы с уголовно-правовым содержанием термина «подставное лицо», легальное определение которого дано в примечании к ст. 173.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

¹ URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-15112021-n-307-es19-231032-po-delu-n-a56-632620-18/>

Основная часть

Явление номинальной собственности и правило о включении имущества в конкурсную массу должника. Первые упоминания о номинальной собственности прослеживаются в положениях Устава о банкротях 1740 года (далее — Устав 1740 года), регламентирующих правила о включении имущества в конкурсную массу должника.

Так, в ст. 28 Устава 1740 года было указано: «Також и женам банкротовщиковым правости не иметь ни под званием приданого своего, ниже под видом досталаго по наследству или особо подаренного, и им принадлежащего чего-нибудь из массы (из общей суммы) требовать, ибо они вовсе повинны несчастье мужей своих с ними снести, и впрочем всякий подлог тем предостерегается»². В ст. 29 Устава 1740 года упоминалась возможность обращения в конкурсную массу должника имений детей прежнего супружества, «разве доказано будет, что оное имение никогда в руки и во владение банкротовщиконо не пришло, но всегда отделено оставалось»³.

Процитированные положения представляют собой правило, при котором имущество членов семьи должника могло быть включено в конкурсную массу последнего.

В контексте исследуемой проблематики можно предположить, что подобное решение законодателя было обусловлено в том числе недобросовестными действиями должников по передаче своего имущества в пользу супруги или детей от прежнего брака. Иными словами, в упоминаемых предписаниях усматривается стремление правопорядка ограничить практики номинальной собственности.

В данной части было бы разумно сделать следующие примечания.

С одной стороны, восприятие родственников должника в качестве предпочтительных кандидатов на роль номинального собственника может иметь под собой существенные основания. Указанные лица пользуются большим доверием должника, и вероятность невозврата ему имущества по окончании конкурсного процесса крайне мала.

С другой стороны, невольно поднимается вопрос о соразмерности несения супругой негативных последствий упадка состояния дел мужа, поскольку, помимо принадлежащего ей имущества, в конкурсную массу должника обращалось и приобретенное по наследству и по другим случаям имущество. Аналогичная по содержанию норма в отношении детей от прежнего супружества заслуживает большей поддержки, поскольку позволяла опровергнуть презумпцию принадлежности имущества должнику, чем создавала защиту от его обращения в конкурсную массу последнего.

² Устав о банкротях 1740 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://bankruptclub.ru/2019/12/20/1740ustav/> (дата обращения: 12.12.2023).

³ Там же.

Отдельно следует отметить, что в указанных положениях и Уставе 1740 года в целом не затрагивались случаи передачи имущества третьим лицам, не являвшимся родственниками должника, но пользовавшимся его доверием (друзья, бывшие сослуживцы и пр.). Как будет показано ниже, позднее подобные казусы выявлялись при непосредственном рассмотрении дел судами, для чего не требовалось прямого указания законодателя.

Подложное переукрепление имущества как признак злостного банкротства. Вероятно, по причине участвовавших злоупотреблений с начала XIX века рассматриваемые явления получают более отчетливое отражение в уголовном законодательстве под видом действий по переукреплению имущества должника⁴.

Сначала в ст. 105 Устава о банкротях 1800 года (далее — Устав 1800 года) умышленное переукрепление имущества признается признаком злостного банкротства («...кто из впадших в неоплатный долг обнаружится, или доказан будет, что, умышленно избегая платежа долгов, перекрепил или передал имение свое безденежно в другие руки»⁵).

Позднее, в развитие указанных положений, аналогичное предписание находит отражение в ст. 1585 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (далее — Уложение) («...о ком доказано, что он впадши в неоплатные долги, с умыслом для избежания платежа оных перекрепил свое имение или передал оное безденежно в другие руки, или же посредством подставных ложных займодавцев, или иным способом скрыл действительное свое имение или часть оногo, во вред неудовлетворенных вполне займодавцев»⁶).

В доктрине уголовного права переукрепление имущества должника рассматривалось в качестве одного из способов сокрытия имущества последнего. Так, А. Н. Круглевский отмечал, что «сокрытие имущества есть всякая деятельность, вызывающая сокращение объема удовлетворения кредиторов несостоятельного должника путем искусственного, фиктивного умаления его имущественной сферы» [6, с. 266]. В свою очередь, И. Я. Фойницкий детализировал, что наравне с физическим сокрытием активов имеет место сокрытие юридическое, выражающееся в «фиктивном отчуждении их, вполне или частью, путем вымышленного перевода их на имя третьих лиц, обыкновенно близких родственников виновного» [10, с. 394].

Обозначение лиц, оказывающих содействие должнику. Переходя к лицам, оказывающим содействие должнику в переукреплении имущества, следует обратить внимание на положения ст. 71 Устава 1800 года, в которой

⁴ Термин «переукрепление» является производным от укрепления прав, под которым Д. И. Мейер понимал «установление внешнего знака, свидетельствующего о существовании права». Акты укрепления разделялись на крепостные, нотариальные, явочные и домашние [7, с. 297, 300].

⁵ Устав о банкротях 1800 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://bankruptcyclub.ru/2019/12/20/ustav1800/> (дата обращения: 12.12.2023).

⁶ См.: URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845>

упоминается о фигуре «утаителя» («если кто пред судом доказан будет, что о долгах, имениях и вещах банкротовых во все время после распубликования не объявил умышленно и оные себе в корысть присвоил, или по согласию банкроту передал, а тот у себя скрыл»⁷).

Полагаем, что понятие «утаитель» является собирательным, включающим в себя лиц, совершающих различные недобросовестные действия, направленные на сокрытие или неправомерное присвоение имущества должника (присвоение имущества должника без его согласия, сокрытие информации о кредиторской задолженности последнего и пр.)⁸. Исходя из подобного расширительного толкования, можно сделать допущение о том, что одним из проявлений фигуры «утаителя» был и номинальный собственник (в современном его понимании), например если последний скрыл имущество по просьбе должника.

В более позднем издании Уложения в ст. 1164 сформирован отдельный состав в отношении лиц, участвовавших в подлогах злонамеренного банкрота («лица, участвовавшие в подлогах злонамеренного банкрота, подвергаются наказаниям по правилам о сообщниках преступлений»⁹). В случаях признания таковыми номинальные собственники могли быть привлечены к уголовной ответственности как сообщники должника.

В судебной практике также не использовалась определенная дефиниция при наименовании указанных субъектов, при этом предназначение соучастников банкрота оставалось прежним. Например, в одном из дел по иску о взыскании убытков с соучастников злостного банкрота, рассмотренном Одесским окружным судом в 1899 году, указывается, что «подлоги, совершаемые банкротом, не могут совершаться иначе, как с помощью посторонних лиц — соучастников, но для сокрытия разных частей своего имущества, для переукрепления той или иной ценности, для обременения своего имущества тем или иным фиктивным долгом банкрот может обратиться к разным лицам, входя в соглашение с одним с целью переукрепить одно имение, с другим с целью фиктивно составить и переучесть долговое обязательство»¹⁰. В данном деле суд, не обозначая соучастников банкрота специальным термином, сделал различие между лицами, содействовавшими переукреплению имущества, и лицами, принявшими на себя обязательства к должнику, однако оба получили наименование соучастников злостного банкрота.

⁷ Устав о банкротях 1800 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://bankruptclub.ru/2019/12/20/ustav1800/> (дата обращения: 12.12.2023).

⁸ Косвенное подтверждение сказанному обнаруживается у А.Х. Гольмстена, который рассматривая различные недобросовестные действия, использует «утаителей» в качестве обобщающего понятия [3, с. 131, 224].

⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в издании 1885 г. // Официальный сайт Президентской библиотеки. URL: <https://www.prilib.ru/item/459770> (дата обращения: 03.12.2023).

¹⁰ Вульферт А. К. Судебная и судебно-административная практика // Право. 1899. № 10. С. 526–528.

Изложенное выше показывает, что дореволюционному уголовному праву было известно явление номинальной собственности, именовавшееся в тот период действиями по переукреплению имущества должника. За исключением термина «утаитель», упоминаемого в Уставе 1800 года, лица, содействовавшие должнику в подобных практиках, не обозначались конкретным термином.

Отношения номинальной собственности в частном праве. В частном праве отношения номинальной собственности рассматривались в нескольких аспектах.

По общему правилу, формальная регистрация прав на имущество на имя третьего лица могла представлять собой внешнее выражение сложившихся между сторонами фидуциарных отношений. Подобную ситуацию описывает Н. Л. Дювернуа, указывая, что «фидуциарные операции совершаются часто между людьми близкими, или близко заинтересованными в одном и том же деле. Мы, товарищи, однако, приобретаем недвижимость для общего дела так, что я буду фигурировать как собственник на гипотечной книге, а N, мой товарищ, как гипотечный веритель» [5, с. 810]. Подобные сделки, по замечанию указанного автора, «суть совершенно легальные, но искусственно и иной раз невпопад прилаженные к отношениям, для коих они не подходят, юридические формы. Это то же, что платье не впору» [5, с. 811].

Когда формальная регистрация актива на третье лицо не являлась следствием несовершенства законодательной техники и нарушала права и законные интересы кредиторов, частное право обращалось к категории подложного переукрепления имущества путем введения специального состава недействительности такой сделки.

Так, согласно п. 2 ст. 1529 Свода законов гражданских «договор недействителен и обязательство ничтожно, если побудительная причина к заключению онаго есть достижение цели, законами запрещенной, как то, когда договор клонится к подложному переукреплению имения во избежания платежа долгов»¹¹.

По мнению Н. Л. Дювернуа, в данной норме идет речь о целом круге операций, «бессилие коих основано на подложном составе волеизъявления, в чем бы не заключался этот подлог, в отсутствии ли оснований или в наличии оснований неподлинных (*obligations sans cause*¹², *sur une fausse cause*¹³)» [5, с. 815]. Подобные сделки именовались в литературе фиктивными¹⁴ и могли быть оспорены вне зависимости от возбуждения в отношении должника процедуры банкротства¹⁵. При успешном оспаривании таких сделок имущество возвращалось в конкурсную массу должника.

¹¹ Свод законов Российской Империи [Электронный ресурс]. URL: <https://civil.consultant.ru/code/> (дата обращения: 01.12.2023).

¹² С *фр.* — «обязательства без причины». — Прим. ред.

¹³ С *фр.* — «по ложному делу». — Прим. ред.

¹⁴ С. И. Гальперин писал, что «сделки о переукреплении имущества с целью неплатежа долгов могут выражать и действительную волю сторон, но злонамеренно направленную ко вреду третьих лиц. Эти сделки называются фиктивными» [2, с. 196].

¹⁵ Д. Д. Grimm отмечал, что данная норма является единственной статьей, упоминающей о праве оспаривания фраздаторных актов должника вообще независимо от формального объявления должника несостоятельным [4].

Вследствие признания сделки недействительной банкротство должника признавалось злонамеренным; в свою очередь, контрагент последнего, помимо применения к нему последствий недействительности, мог быть привлечен к уголовной ответственности на основании упомянутой выше ст. 1164 Уложения.

В отличие от уголовного права в предписаниях гражданского не обнаружилось специального термина — как родового, так и видового — для обозначения лиц, содействовавших должнику. Однако в литературе вслед за мыслью уголовно-правовой доктрины прослеживается понимание того, что таковыми преимущественно выступают лица, пользующиеся доверием должника. Например, В. Г. Федоровым отмечалось, что, предвидя неминуемое наступление банкротства, должник «прибегает к заключению всевозможных фиктивных сделок с родственниками и близкими лицами, представляя им право на значительную часть своего имущества» [9, с. 13]. Также можно сослаться на позицию В. И. Снигирева, который писал, что «если должник задумал переукрепить свое имущество с целью неплатежа долгов, он обязательно изберет своим контрагентом родственника или лицо, пользующееся его доверием по дружбе, продолжительному знакомству и проч., иначе рискует, вместо предполагаемой выгоды потерять последнее» [8, с. 74].

Интересно, что судебная практика в данном вопросе пошла дальше, указав на возможность признания номинальными собственниками лиц, не связанных с должником отношениями родства или свойства.

Сказанное может быть проиллюстрировано на примере одного из дел, дошедших до гражданского кассационного департамента Правительствующего сената (далее — Сенат).

В преддверии возбуждения конкурсного процесса должником (О. Лемишевский) были отчуждены два магазина мужских платьев в пользу Г. Боровке, которым спустя непродолжительное время указанный актив был продан К. Пневскому.

При удовлетворении заявления о признании договоров недействительными Варшавской судебной палатой приняты во внимание следующие обстоятельства: (1) после отчуждения лавки должник продолжил заниматься продажей товаров; (2) в магазинах была оставлена вывеска с именем должника; (3) в ежедневной газете от имени должника публиковалось объявление о принятии заказов на мужские платья; (4) при составлении приставом описи товаров должник давал пояснения относительно целостности и стоимости товара.

Палатой также было принято во внимание, что последний приобретатель имущества (К. Пневский) не имел средств на покупку магазина, не знал портняжного мастерства, не мог иметь сведений для заведования магазином мужских платьев, а также то, что ранее указанное лицо представляло должника по доверенности в период нахождения последнего за рубежом.

Сенатом указанная совокупность обстоятельств признана достаточной для признания договоров недействительными, вследствие чего было указано что «признание договоров фиктивными не лишало палату права признать, что имущество О. Лемишевского поступило во владение сперва Г. Боровке,

а потом и К. Пневского, и что затем они обязаны возвратить самое имущество или его ценность» (решение Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената от 28.04.1882 № 75).

Данное дело представляется заслуживающим внимания, поскольку из его фактуры можно выделить квалифицирующие признаки номинальной собственности.

Первым маркером выступило сохранение у должника фактического контроля над отчужденным ранее имуществом.

Вторым признаком можно признать несение должником расходов на содержание имущества. В рассмотренном деле к таким расходам отнесена оплата должником рекламы лавки в ежедневной газете.

Наконец, интересна характеристика лиц, избранных должником в качестве контрагентов. Из текста решения Сената следует, что они фактически не заведовали лавкой, а последний приобретатель и вовсе не обладал достаточными финансовыми ресурсами, знаниями и опытом для ведения дел в соответствующей сфере.

Указанный подход показал, что для установления факта подложного переукрепления имущества наличие родственных отношений не является обязательным, поскольку о фиктивности может свидетельствовать сохранение за должником контроля над отчужденным имуществом и одновременное отсутствие у покупателя объективной возможности приобрести и пользоваться спорным активом.

К сожалению, Сенатом в указанном деле не было использовано какого-либо термина для обозначения приобретателей имущества должника, в том числе не был заимствован термин «утаитель», использованный ранее в Уставе 1800 года. Вероятно, совокупность изложенных обстоятельств сама по себе выступила достаточной для признания между участвовавшими в ней лицами отношений номинальной собственности.

Изложенное выше показывает, что вслед за уголовным правом цивилистика не отставала в вопросе правовой квалификации отношений номинальной собственности, используя институт оспаривания сделок. Судебная практика в лице Сената вырабатывала свои критерии их изобличения, не ограничиваясь установлением отношений родства (свойства) между должником и третьим лицом.

Со сменой политического курса в 1917 году проблематика отношений несостоятельности постепенно сошла на нет, вследствие чего также упал интерес к действиям по формальной регистрации имущества на имя третьих лиц в преддверии банкротства¹⁶.

¹⁶ Отдельные примеры, не связанные с отношениями несостоятельности, формальной регистрации имущества на третье лицо упоминались в литературе раннесоветского периода. Например, Н. Г. Вавин при описании фидуциарных сделок как сделок в обход закона отмечает, что «типичным примером фидуциарной сделки является сделка с подставным лицом, как это нередко получает место в вексельном обороте, когда вместо препоручительной надписи на векселе ставят передаточную», а также указывает на другой пример, при котором «кто-либо, не будучи сам управомоченным на приобретение немунципализированного жилого строения доверительно приобретает его на имя своего знакомого. Обход закона в данном случае очевиден, — и сделка между юридическим и фактическим приобретателем этого строения должна почитаться недействительной» [1, с. 11].

Преимственность взглядов в современной судебной практике. Сопоставление изложенного материала с действующим законодательством и имеющимися тенденциями современной судебной практики позволяет высказать следующие замечания.

Во-первых, как и в дореволюционном праве, современное гражданское законодательство не располагает специальным термином, которым можно обозначить лицо, принимающее на свое имя имущество должника.

Если обратиться к определению Верховного суда РФ по делу о банкротстве гражданина С. А. Рассветова, которое, собственно, и стало локомотивом развития практики по рассматриваемому вопросу, то в нем обнаруживаются термины «мнимый собственник» и «мнимый держатель актива». Вместе с тем позднее и суд высшей инстанции, и кассационные суды прибегали к иным дефинициям. Например, в одном из дел Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного суда РФ указала, что кредитору следовало доказать, что «Н. был подставным лицом: в сделке он участвовал номинально (т. е. без реальной заинтересованности стать собственником имущества)»¹⁷. В свою очередь, суды кассационных инстанций используют наравне с «мнимым собственником» следующие определения: «номинальный (мнимый) собственник»¹⁸; «номинальный (мнимый) владелец»¹⁹; «номинальный собственник»²⁰; «номинальный владелец»²¹.

Полагаем, что перечисленные термины можно рассматривать в качестве синонимичных и само по себе отступление от терминологии, предложенной Верховным судом Российской Федерации (далее — ВС РФ), не следует

¹⁷ Определение Верховного суда РФ от 9 февраля 2023 года № 302-ЭС20-4222 (17, 18) [Электронный ресурс]. URL: <https://gkrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-09022023-n-302-es20-42221718-po-delu-n-a58-63272018/>

¹⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13 декабря 2023 года по делу № А40-138370/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ffBdT3G6cTNx/>

¹⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 ноября 2023 года по делу № А40-58566/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/aomNRiRc4A5Q/>

²⁰ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29 марта 2023 года по делу № А27-2432/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/fO6Atw4G7RYQ/>; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12 апреля 2023 года по делу № А40-134867/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/qfotWD2p3hYE/>; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07 марта 2023 года по делу № А76-40797/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/kmzGFPg5XhmV/>

²¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12 июля 2022 года № Ф04-2171/2022 по делу № А46-2800/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/7RQFaM9jI71d/?ysclid=m1j6d4moуb858421379>; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 августа 2023 года по делу № А40-214179/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/0sjRv5JLND1q/>

воспринимать негативно. По существу, участники процесса и судьи заинтересованы в установлении (опровержении) фактов, прямо или косвенно свидетельствующих о намерении должника использовать третьих лиц в качестве ширмы, укрывающей ликвидные активы от притязаний кредиторов.

Во-вторых, указанные практики выявляются преимущественно при рассмотрении обособленных споров об оспаривании сделок должника. Конкурирующими составами недействительности выступают положения о мнимости и притворности.

Положения о мнимости применяются в тех случаях, когда имущество ранее было зарегистрировано на должника и впоследствии было переоформлено на имя третьего лица. Данный пример был упомянут еще в п. 86 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»²² и активно используется в качестве образцового (часто речь идет о цепочке сделок, объединенной единой целью ее участников по формальной смене титульного владельца). Ссылка на притворность встречается в ситуациях, когда имущество изначально приобретает на денежные средства должника и регистрируется на имя третьего лица. В таком случае оспариваемые сделки признаются недействительными в связи с притворностью субъектного состава, при которой правовые последствия наступают для подлинных участников сделки, что означает возврат имущества в конкурсную массу должника²³.

Имеют место единичные случаи обсуждения соответствующих вопросов за рамками дела о банкротстве, которые впоследствии корректируются вышестоящими судебными инстанциями. Так, в рамках одного из дел финансовый управляющий должника обратился с заявлением о прекращении права собственности и обязанности вернуть имущество в конкурсную массу. Судом первой инстанции заявление возвращено заявителю с указанием, что «фактически заявлено требование об истребовании из чужого незаконного владения, которое подлежит рассмотрению в общеисковом производстве». Постановлением суда апелляционной инстанции определение о возвращении заявления отменено, вопрос направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Суд округа, поддерживая отмену определения о возвращении заявления, указал, что

²² URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 12.01.2024).

²³ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 февраля 2022 года по делу № А27-2432/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/cfJ6Qi45jVZw/>; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.11.2023 по делу № А40-193193/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/nqauZ7nPfp5l/>; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.04.2023 по делу № А65-29088/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/GgCznV8bYcUJ/>

«требования финансового управляющего о передаче объектов в конкурсную массу и прекращении права собственности на спорные объекты следовало квалифицировать как последствия недействительности ничтожной сделки, предполагающие одностороннюю реституцию»²⁴.

В-третьих, судами кассационных инстанций фактически презюмируется, что заинтересованные по отношению к должнику лица являются номинальными собственниками, бремя доказывания обратного возлагается на таких лиц. Например, Арбитражным судом Волго-Вятского округа направлен на новое рассмотрение обособленный спор о признании сделки недействительной, поскольку «суды не учли, что настоящий спор рассматривается в деле о банкротстве должника, оспоренная сделка совершена аффилированным по отношению к должнику лицом, а потому в данном случае должен быть применен повышенный стандарт доказывания относительно добросовестного поведения как самого должника, так и его родственников»²⁵. Как отметил в другом деле Арбитражный суд Московского округа, направляя спор на новое рассмотрение, «по схожим аналогичным делам судами применяется дискреция об обязанности ответчиков доказать добросовестность своих действий, с учетом сформированной правовой позиции, о том, что бремя доказывания добросовестности ответчика лежит на самом ответчике и не может быть переложено на добросовестного истца, которому в результате целенаправленных действий ответчиков был причинен вред»²⁶.

Помимо отмеченного, как и в рассмотренном Сенатом деле О. Лемишевского, сегодня суды кассационных инстанций уделяют внимание косвенным доказательствам, не связанным с отношением родства (свойства). Например, по одному из дел Арбитражный суд Уральского округа счел обоснованным определение о признании сделки недействительной, указывая, что согласно журналу проезда садово-огороднического некоммерческого товарищества объекты недвижимости посещались только должником, при этом наличие договоров электроснабжения и догазификации с номинальными собственниками сами по себе не являются достаточным опровержением фактического пользования активами должником²⁷. Довольно часто заявители в подтверждение довода

²⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 мая 2023 года по делу № А40-125970/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/VIoBzca4LnWr/>

²⁵ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28 февраля 2023 года по делу № А43-33026/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/kPuBZEjQNiLK/>

²⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 ноября 2023 года по делу № А40-193193/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/nqauZ7nPfp5l/>

²⁷ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 2 ноября 2023 года по делу № А50-17053/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=258606&ysclid=m1kgy9elwj857854253#TFFuYPUuNg9N3zZ51> (дата обращения: 12.01.2024).

о номинальной собственности приводят факт несения должником расходов по налогам и коммунальным платежам²⁸.

Изложенное выше свидетельствует о преемственности правовых подходов дореволюционной юридической мысли и современной практики в вопросе оценки отношений номинальной собственности.

Заключение

По результатам краткого описания отношений номинальной собственности в отечественном дореволюционном праве можно сделать выводы.

В силу особенностей правового регулирования отношений несостоятельности явление номинальной собственности сначала находит косвенное отражение в предписаниях уголовно-правовой направленности, несколько позднее — в частном праве.

В уголовном законодательстве и доктрине исследуемая группа отношений квалифицировалась в качестве действий по юридическому сокрытию имущества должника.

В частном праве отношения номинальной собственности воплощались по-разному. С одной стороны, они могли быть внешним выражением сложившихся между сторонами фидуциарных отношений, которые были следствием несовершенств законодательной техники; с другой — могли рассматриваться в качестве фиктивной сделки, направленной на переоформление имущества должника во избежание долгов. Линия разграничения между указанными вариантами квалификации определялась в зависимости от умысла сторон и нарушения прав кредиторов должника.

Лица, принимающие на свое имя имущество должника, не обозначались одним термином. В зависимости от контекста и исторического этапа, они могли именоваться утаителями, подставными лицами или сообщниками. Более важно то, что в судебной практике и доктрине отсутствовали расхождения относительно содержательного наполнения номинальных собственников, поскольку в качестве кандидатов на данную роль рассматривались преимущественно родственники должника или пользующиеся его доверием лица.

Анализ исторического материала показал наличие преемственности правовых подходов дореволюционной юридической мысли и современной практики

²⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 мая 2023 года по делу № А40-122615/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/6XTWhGBqL6x0/>; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 19 октября 2023 по делу № А43-3748/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVV&n=118615&ysclid=mlkhuxiga5495827554#Qmd0ZPUOWW9x1Ofz1> (дата обращения: 12.01.2024); Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22.09.2023 по делу № А51-8617/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/AXd2vOqtJWWj/>

в вопросе оценки отношений номинальной собственности. В некотором смысле можно сказать, что суды не нуждаются в прямом законодательном регулировании вопроса, поскольку сами вырабатывают критерии оценки косвенных доказательств номинальной собственности и правила о распределении бремени доказывания.

Список источников

1. Вавин Н. Г. Ничтожные сделки. М.: Правовая защита, 1926. 24 с.
2. Гальперин С. И. Учебник русского торгового и вексельного права. Екатеринослав: издание И. В. Шафермана. 1907. Вып. II. 354 с.
3. Гольмстен А. Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса / под ред. А. Г. Смирных. 2-е изд. М.: Издание книг ком, 2019. 288 с.
4. Grimm Д. Д. Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам (по поводу законопроекта, внесенного в Государственную думу) // Вестник гражданского права. 2010. № 4. С. 126–191.
5. Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1: Введение и часть общая. Вып. 3: Изменение юридических отношений. Учение о юридической сделке. Санкт-Петербург: типография М. М. Стасюлевича, 1905. 936 с.
6. Круглевский А. Н. Имущественные преступления: исследование основных типов имущественных преступлений. СПб.: Типо-лит. С.-Петербург. одиноч. тюрьмы, 1913. 549 с.
7. Мейер Д. И. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2019. 848 с.
8. Снигирев В. И. Дружеские и бронзовые векселя: историческое, бытовое и юридическое исследование. СПб.: Коммерческий деятель, 1911. 80 с.
9. Федоров В. Г. Право опровержения действий, совершенных должником в ущерб кредиторов. СПб.: Право, 1913. 45 с.
10. Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть особенная: Посягательства личные и имущественные. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1907. 441 с.

References

1. Vavin N. G. Nichtozhny`e sdelki. M.: Pravovaya zashhita, 1926. 24 s.
2. Gal`perin S. I. Uchebnik russkogo torgovogo i veksel`nogo prava. Ekaterinoslav: izdanie I. V. Shafermana. 1907. Vy`p. II. 354 s.
3. Gol`msten A. X. Istoricheskij ocherk russkogo konkursnogo processa / pod red. A. G. Smirny`x. 2-e izd. M.: Izdanie knig kom, 2019. 288 s.
4. Grimm D. D. Osparivanie aktov, sovershenny`x vo vred kreditoram (po povodu zakonoproekta, vnesennogo v Gosudarstvennyuyu dumu) // Vestnik grazhdanskogo prava. 2010. № 4. S. 126–191.
5. Dyuvernuia N. L. Chteniya po grazhdanskomu pravu. T. 1: Vvedenie i chast` obshhaya. Vy`p. 3: Izmenenie yuridicheskix otnoshenij. Uchenie o yuridicheskoy sdelke. Sankt-Peterburg: tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1905. 936 s.
6. Kruglevskij A. N. Imushhestvenny`e prestupleniya: issledovanie osnovny`x tipov imushhestvenny`x prestuplenij. SPb.: Tipo-lit. S.-Peterb. odinloch. tyur`my`, 1913. 549 s.
7. Mejer D. I. Izbranny`e trudy`: v 2 t. T. 1. M.: Statut, 2019. 848 s.

8. Snigirev V. I. Druzheskie i bronzovy`e vekselya: istoricheskoe, by`tovoe i yuridicheskoe issledovanie. SPb.: Kommercheskij deyatel`, 1911. 80 s.

9. Fedorov V. G. Pravo oproverzheniya dejstvij, sovershenny`x dolzchnikom v ushherb kreditorov. SPb.: Pravo, 1913. 45 s.

10. Fojniczkij I. Ya. Kurs ugolovnogo prava. Chast` osobennaya: Posyagatel`stva lichny`e i imushhestvenny`e. SP.: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1907. 441 s.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024;
одобрена после рецензирования: 18.06.2024;
принята к публикации: 19.06.2024.

The article was submitted: 10.06.2024;
approved after reviewing: 18.06.2024;
accepted for publication: 19.06.2024.